

Все новое - это хорошо забытое старое

Томико Икеучи

Из-за сильного дождя урагана паром не приехал вовремя, а это означало, что несколько дней человек, которого Томико хотела бы считать своим отцом, останется на острове. Девочка больше не появлялась в своем доме, предпочитая оставаться с мамой, которая поправлялась и уже старалась передвигаться. У нее была повреждена нога, небольшой вывих, а рану на руке зашили следующим утром. Томико не разрешили присутствовать на операции из-за маленького возраста, но девочка тщательно выполняла все рекомендации. Врач, Абэ Масаши, принимал роды у Марии и знал Томико с самого рождения. Он иногда обрабатывал ей синяки и рассказывал о своей работе. И он знал, что девочка очень хорошо относится к своим обязанностям. У нее нежные руки.

Томико часто была с мамой, но и не забывала про Сугино-сана, гуляя с ним по улице островка, разговаривая с ним и ждала, когда мама захочет поговорить с ним.

И, наконец, мама после завтрака и очередной перевязки попросила дочь найти мужчину и привести его к ней. Томико побежала исполнять мамино поручение. Сугино-сана она нашла на берегу моря и неуверенно подошла к нему.

- Сугино-сан, - Томико подняла камень и бросила его в воду, надеясь, что он поскачет по воде, но он сразу утонул. - Мама хочет вас видеть.

Кёске Сугино

Поскольку погода испортилась окончательно, полицейские из главного управления, куда передали всю информацию, попасть на остров временно не могли, и Кёске взял на себя обязанность присматривать за преступником, большую часть времени торча в маленьком участке, из которого офицер Кояма, чье имя он, наконец, соизволил запомнить, не рискнул его выгнать. Ночевал же он в комнате, которую ему любезно предложила хозяйка магазинчика, за рассказ, хотя бы в общих чертах, обо всем произошедшем. И поскольку по острову уже начали гулять совершенно дикие сплетни, Кёске нашел возможным рассказать основные моменты этой невеселой истории, надеясь тем самым опровергнуть самые безумные небылицы.

Помимо общения с хозяйкой магазина и бдений в участке Сугино регулярно заглядывал в больницу и осведомлялся о состоянии Мари. Та пришла в себя, подтвердила виновность пока еще официально подозреваемого, но вот непосредственно с ним встречаться желанием не горела. И, плохо представляя, что сейчас творится в ее голове, Кёске не настаивал, довольствуясь разговорами с врачом и, конечно, с Томико с которой они виделись регулярно, пусть в своем общении старались и не поднимать серьезных тем.

Сегодня Кёске в очередной раз встретился со своей вероятной дочерью, отмечая про себя, что все спокойнее относится к мысли о своем возможном отцовстве. И

услышал от нее важную новость - Мари созрела для разговора и хотела, чтобы он пришел в больницу. Так что не став ломаться и терять время, Кёске отправился по уже ставшему хорошо знакомым маршруту, не без некоторых опасений продвигаясь дальше обычного и заходя в небольшую палату, где сейчас находилась только одна пациентка.

Путеводная Нить

Последние события она помнила плохо. Помнила только, что сначала было очень холодно и мокро, а потом стало тепло и сухо. Потом было как-то жарко, голова болела и кружилась. Потом она заснула. Это был какой-то странный сон, он пришёл просто так, неожиданно, и снилось ей про какой-то сюжет американского фильма про пришельцев. Этот сон был самый яркий и необычный из всех, что она видела. А после этого сна, который оказался наркозом, постепенно стала возвращаться реальность.

Рядом с ней была Томико, которая ей очень помогала, но которая почти ничего не говорила. Только что-то про то, что нашла Кёске. От этого стало как-то страшно и непонятно на душе, и молодая женщина отворачивалась от него, когда он приходил, и отвечала односложными фразами. Разговаривать на тему произошедшего оказалось легче, чем вспоминать то, что было когда-то давно. Она боялась, очень сильно боялась разговора с ним.

Томико настаивала на ее разговоре и отзывалась о Кёске очень хорошо, и это вызывало легкую, но достаточно грустную улыбку. И однажды она сдалась и попросила дочь найти Кёске и привести его сюда. Пока она отсутствовала, молодая женщина села на кровати и посмотрела в окно. На улице светило солнце. Этого естественного светила ей так не хватало несколько дней, но пока она боялась выходить даже из палаты. Всё-таки больная нога давала о себе знать, Да и общая слабость, обусловленная стрессом и отсутствием нормальной еды в течение этих тяжёлых и страшных дней, тоже не позволяла ей ходить.

Скрипнула дверь, вошёл Кёске. Женщина вздрогнула и подняла глаза на него. Потом сглотнула и опустила голову.

- Кёске, я... рада тебя видеть. Томми смогла найти тебя, - начала Мари, понимая, что он не для этого сюда пришёл, а чтобы найти ответы на свои возможные вопросы. - Я... хочу тебе признаться, - она подняла голову и посмотрела своими большими серыми глазами на него.

Кёске Сугино

Если он сам сильно нервничал перед первой полноценной встречей с Мари, то и она выглядела смущенной, как если бы он поймал ее на чем-то не очень хорошем. Хотя куда уж там ему было ее ловить после стольких лет. Скорее, им стоило познакомиться заново. Молодая женщина, все еще выглядящая истощенной, пусть это состояние и не скрывало ее раскрывшейся с годами красоты, заметно отличалась от той Мари, что Кёске знал когда-то. Да и он сам мало походил на высокого тощего паренька со взглядом голодного волка, став с годами намного спокойнее и уравновешеннее, раздружившись с бритвой и заметно нарастив мышечную массу.

- Томико-молодец, она делала все, чтобы тебя найти. - По правде, после всей этой истории Кёске чувствовал себя достаточно никчемным. Он не смог найти Мари вовремя, да и преступник был пойман, скорее, из-за удачного стечения обстоятельств, а не благодаря его заслугам. И тут ему впору было извиняться, что он не оказался достаточно расторопным, просто спровоцировав своим расследованием убийство учителя, пусть того было и не жалко, и попытку убийства женщины, ради которой он и оказался на этом острове.

Долго ходить вокруг да около Мари не стала, практически сразу озвучив свою готовность сделать признание. И в ответ Кёске просто кивнул, пусть и прекрасно догадывался, о чем сейчас пойдет речь. Вопрос о вероятном отцовстве терзал его с момента встречи с Томико, и сейчас он не был готов что-то комментировать, в какой-то степени боясь услышать любой из двух возможных вариантов ответа.

Путеводная Нить

Кёске остался стоять, и женщина посмотрела на него. А потом глубоко вздохнула и прикусила губу. Потом снова опустила голову.

- Кёске, я... мы... маме тогда предложили работу, а отчим слетел с катушек после драки с тобой. Мы сбежали очень быстро, и я не успела попрощаться. Уже добравшись сюда я узнала, что была беременной. Срок не позволял делать аборт. Я... хотела сообщить тебе это, но мама сказала, что мы ещё молоды, и своим вмешательством в твою жизнь я ее разрушу. Я не хотела, чтобы ты отказывался от своей мечты из-за нас, и... - Женщина прикусила губу и сжала руки в кулаки. - А потом я как-то и не вспоминала об этом. Томико редко хотела узнать о тебе, даже не горела желанием встречаться с тобой, но после смерти мамы я сама ей о тебе сказала. Я... не успела сбежать отсюда. Прости меня, я...

Женщина подняла голову и посмотрела на него, слегка испуганным взглядом. Ей было очень тяжело признаться в том, что она хранила много лет от единственного человека, в которого была когда-то влюблена.

- Я больше не могла ни с кем встречаться. Боялась, что отчим будет относиться к Томми как когда-то относились ко мне. А потом... просто ушло время.

По щеке стекла слеза, и молодая женщина сглотнула и ладонью стерла это противную слезу. Голова заболела, стало жарко. Наверное, снова стала подниматься температура. Мари вздохнула и снова опустила голову.

Кёске Сугино

Подробности рассказа Мари не сразу дошли до его сознания, поскольку она даже не пыталась торжественно сообщить ему, что он отец Томико, оперируя этим как уже всем известным фактом. От чего Кёске некоторое время чувствовал себя так, словно его как следует огрели по голове чем-то тяжелым. Но постепенно картина произошедшего худо-бедно сложилось в его голове, пусть итоговый вариант особенно ему и не понравился.

- Предположим, вы с матерью переживали за мое будущее. Но, Мари, а как же твоя

жизнь? Раннее материнство да еще без какой-либо поддержки со стороны отца ребенка - это же очень тяжело. - Кёске старался говорить спокойно, чтобы не нервировать еще не восстановившуюся после всех злоключений женщину, но эмоции все равно прорывались даже там, где он пытался их скрыть. С одной стороны, он был благодарен Мари и ее матери за то, что они дали ему возможность доучиться и найти свое место в жизни, но с другой, он не хотел подниматься за счет чужих жертв, чувствуя, что ради своего благополучия отнял чужое.

- Я и думать не мог о чем-то подобном. Представлял, что ты давно завела свою семью и... - До Кёске неожиданно дошел смысл слов Мари, касающихся ее отношений с мужчинами. - Постой. Что значит "не могла ни с кем встречаться"? Ты же не хочешь сказать, что за эти годы у тебя ни с кем не было отношений?

Когда Томико говорила о чем-то подобном в участке, он просто списал все это на детские фантазии, как и дурацкие разговоры о развратном образе жизни, на тупые местные сплетни. И ему даже в голову не приходило, что в первом случае все могло быть отражением реальной ситуации, из-за чего он и не удержался от не самых приличных вопросов, пусть изначально не собирался лезть в чужую личную жизнь.

Путеводная Нить

Судя по тону, Кёске не понравилась эта информация. Нет, он, скорее всего, был шокирован этим, и она не знала, что делать дальше. Раньше ей во всем помогала мама, да и она сама старалась делать все возможное, чтобы не отличаться от жителей на этом острове. Она бралась за любую работу, старалась все делать качественно, и воспитывала дочь. Она старалась, чтобы Томико стала умной, красивой, послушной. И счастливой. Томми редко грустила и плакала, она всегда улыбалась.

- Прости... - только выдавила из себя женщина, не зная, что ответить. Когда-то она думала, какой могла быть их жизнь, если бы они не сбежали. Иногда в голову проникали мысли, что отчим мог бы убить маму или причинить боль Томми. Иногда, что отчим мог убить Кёске.

Мария боялась этих мыслей, когда в моменты слабости и страха (как сейчас, например), вспоминала ту драку отчима с Кёске, которая только по счастливой случайности (как ей тогда казалось) закончилась так, а не иначе.

- Я... нет, я так и не смогла найти себе мужа. Я... даже как-то и не задумывалась об этом. Просто мне... я... не знаю. Я сделала много глупого и плохого и... я не имею права у тебя что-то просить. Прости меня.

Мари сглотнула и зажмурилась. Закрыла лицо руками, чтобы скрыть слезы. Ей было тяжело говорить на эту тему, но она сама решилась, и надо быть сильной. Правда, сил у нее было не так много.

- Ты... скоро уедешь? Паром отправляется скоро, - договорила она тусклым голосом, отнимая руки от лица и поднимая голову, чтобы посмотреть на него.

- Да за что ты извиняешься? - покачал головой Кёске, не представляя, что ему теперь делать со всей этой жертвенностью и чувством вины. - Это, скорее, я должен простить прощение за то, что в свое время не оказался достаточно ответственным. - Сейчас можно было сколько угодно рассуждать об их молодости и ссылаться на то, что такое милое создание как Томико имело право появиться на свет, но это никак не отменяло того факта, что предохранению стоило уделять больше внимания.

- Да и не стоит закапывать в себе женщину. Ты еще молодая и красивая, а Томико уже достаточно взрослая, поэтому, при желании, ты вполне можешь вступить в отношения с мужчиной. Благо не все они такие отморозки как твой отчим. Есть и вполне нормальные. По крайней мере, парочку нормальных я знаю точно.

Кёске специально не стал упоминать в контексте отморозков фамилию мучителя Мари, чуть не превратившегося в ее палача, не желая травмировать женщину до того, как ей придется давать подробные показания, чтобы, как минимум, навечно засадить чокнутого убийцу за решетку. Или вообще отправить навстречу его жертвам, благо смертную казнь в Японии никто не отменял.

- А по поводу моего отъезда... - Кёске не знал, как лучше сформулировать свое предложение, поэтому начал с объективного момента. - На ближайшем пороме сюда прибудет куча полицейских и мне, как свидетелю, в любом случае придется задержаться. Да и я бы очень не хотел уезжать с этого острова один.

Наверное, ему стоило просто сказать "поехали в Токио со мной, я помогу вам с Томико начать новую жизнь", но выдать эти слова из себя оказалось не так и просто, особенно глядя в покрасневшие от слез глаза Мари.

Путеводная Нить

- Тебе снова пришлось меня спасать, Кёске, - нервно хихикнула женщина, выдавив из себя вымученную улыбку. Правда, через несколько секунд поджала губы, чтобы снова не разреветься.

Это было намного сложнее, чем она себе представляла, весь этот разговор. Она думала, что сможет просто сказать "Кёске, на самом деле ты отец Томико. Спасибо, что позаботился о ней", но вместо этого она говорила совершенно не то, что планировала. Потому что она не знала, что говорить.

- Я не похоронила в себе женщину, но просто... я... первое время думала о тебе. Я... не знаю, как объяснить, но... - она неуверенно закусил губу. - Я бы хотела начать все заново. Я... знаю, что это невозможно и... я не... ты не... я не знаю, как объяснить.

Она покраснела, но может быть это было вызвано высокой температурой, а не смущением. Посмотрев на Кёске, она вздохнула и снова опустила голову.

- Мне тоже надо будет присутствовать как свидетель? - Вздрыгнула женщина, понимая, что, скорее всего, ей снова придется пережить этот ужас, когда она будет рассказывать о событиях тех недель, начиная с пропажи мамы и заканчивая своей встречей с Ёсида-саном. - Если там не будет Томми, то я... попробую. Ее же не

будут допрашивать?

Она примерно знала, через что дочке пришлось пройти, чтобы она сама смогла снова увидеть свет. Томми ей рассказала про учителя и про то, как напилась, и Мари не хотела, чтобы Томико еще раз вспоминала об этом. Хватит с ее малышки потрясений, она не заслуживает этого.

- Ты... хочешь нас забрать к себе в Токио? Но... я... я не хочу навязываться и быть тебе обузой. Я... - солнце светило ярко. А врач одобрял короткие прогулки. - Помоги мне выйти на улицу? Я так давно не видела солнце.

Кёске Сугино

- Мари, ты сама себя спасла, - покачал Кёске головой. Наверное, ему бы и хотелось выступить в качестве такого спасителя, пришедшего ей на помощь через много лет после последней встречи. Но нет, реальность сильно отличалась от его фантазий, поскольку в ней женщине пришлось справляться со всем самой.

- Да чего обо мне думать. - Кёске видел, что Мари смущается, но посчитал, что это связано со слишком личной темой, в которую он нагло влез. - Я то как раз не отношусь к категории нормальных мужчин. Но, конечно, ты можешь начать все заново и построить жизнь так, как тебе хочется. - Возможно, Мари имела в виду не совсем то, что услышал он, но Сугино и не надеялся, что сможет понимать ее так, как это было во времена их юности. Да, как ему казалось, с пониманием женщин у него с годами становилось все хуже и хуже.

- Да, ты ведь главный свидетель. - В этом плане Кёске нечем было обнадежить единственную оставшуюся в живых жертву. - Но Томико я постараюсь от этого оградить. Она же самого дела не касалась. - Он понимал, как тяжело будет Мари вспоминать все, через что она прошла, но человека, если его вообще можно было так назвать, который все это с ней натворил, надо было наказать самым жестоким из допустимых законом способов.

- Ну, как к себе, - Кёске представил свою квартирку и содрогнулся. - Я найду вам нормальное жилье. И нет, обузой вы для меня не станете. Не забывай, что я уже взрослый самостоятельный мужчина и вполне могу позаботиться о тебе и Томико.

На просьбу Мари Кёске утвердительно кивнул, подойдя ближе и протянув ей руку, чтобы она могла для начала на нее опереться. Со степенью своей дальнейшей помощи он собирался разбираться по ходу дела, чтобы избегать лишних прикосновений, которые могли быть для Мари после всего пережитого болезненны или даже неприятны.

Путеводная Нить

- Если бы Томико тебя не нашла... нет, не так... если бы ты не помог ей, то меня бы, боюсь, уже не было. Рассказывая ей накануне своего исчезновения о тебе я не думала, что ты во все это поверишь. Но надеялась, что ты приедешь. И... ты приехал, - сказала Мария, всхлипнув.

Она закрыла глаза и вспомнила последний момент перед тем, как почувствовать

сильную боль в руке. Тогда Есида говорил что-то про Кёске, и Мари не могла поверить, что тот нашел ее. А потом была сильная боль, отнимающая сознание.

- Я готова рассказать обо всем, что поможет вам засадить этого ублюдка, - с готовностью сказала Мария, понимая, что все равно это придется сделать. - Не переживай, я справлюсь.

Она осторожно встала с кровати и посмотрела на костыли, которые стояли рядом с кроватью. Ими она еще ни разу не пользовалась, да и нога болела не так, чтобы прибегать к их помощи. Была общая слабость. Осторожно сделав один шаг, она пошатнулась и схватилась за руку Кёске, боясь упасть. А потом прижалась к нему и осторожно поцеловала в щеку.

- Мне Томико рассказала про твою каморку, - улыбнулась она и ладонью провела по его щеке. - Я... хотела бы быть с тобой, если это возможно. Но если ты нам просто поможешь, то я все равно буду тебе благодарна.

Вероятно, все действия происходили под влиянием высокой температуры. А может быть просто в груди стали пробуждаться те же чувства, что были пятнадцать лет назад.

- Там есть лавочка. Проводишь меня туда? - попросила она.

Кёске Сугино

В том, что за столько лет он так и остался единственным человеком, готовым прийти Мари на помощь, было что-то очень печальное. Складывалось такое впечатление, что ее жизнь остановилась где-то на том моменте, когда они виделись последний раз. А потом уже началась жизнь Томико, вокруг которой, видимо, как раз и строилось существование ее мамы. И в этом было что-то совершенно несправедливое, поскольку сам он себе все эти годы ни в чем не отказывал, живя той жизнью, которая полностью его устраивала.

- Я знаю, что ты справишься. - Кёске непроизвольно бросил взгляд на забинтованную руку и почувствовал, как где-то внутри снова закипает злость на человека, решившего, что он вправе уродовать других и причинять боль тем, кто не имел никакого отношения к боли, которую когда-то пришлось пережить ему самому. Но потом Мари начала вставать, и он напрочь забыл о преступнике, поскольку события приняли неожиданный оборот, приведя женщину в его объятия и давая ей коснуться его щеки губами.

- Я... Ну... Хм... - На что-то более членораздельное Кёске не хватило, поскольку он был явно не готов к переходу от разговора к неожиданному проявлению нежности со стороны Мари. Что в совокупности с ее словами, смысл которых должен был дойти даже до последнего тугодума в плане отношений, легко выводила из душевного равновесия.

- Я думаю для начала надо приехать в Токио, - наконец, нашелся он. - Да и познакомиться заново. За это время ведь многое изменилось.

Ему не верилось, что Мари всерьез предлагает какие-то отношения. Она же не видела его около пятнадцати лет. Да и во времена юности их трудно было назвать парочкой. Поэтому временно он решил замять эту тему, сосредоточившись на настоящем, в котором он продолжал приобнимать Мари, помогая ей выйти из здания больницы и сесть на скамейку. И, в чем Кёске не горел желанием признаваться самому себе, чувствовать давно забытое тепло ее тела ему действительно нравилось.

Путеводная Нить

Наверное, она говорила или делала что-то не то, но ей казалось, что Кёске все это не нравится и он не хочет разговаривать на эту тему. Поэтому она, слегка отстранившись от него, но пользуясь его помощью, направилась в сторону лавочки. В больнице было нормально, но, стоило ей выйти на улицу, как глаза непривычно пронзило от яркого света, и она зажмурилась. Привыкнув к свету, она осторожно открыла глаза и направилась к скамейке.

- Я выгляжу слабой, да? - спросила она. - Но нет, я не слабая. Я... постараюсь ответить на все вопросы полиции. И...

Она вздохнула и потерла свои плечи руками. Еще была весна, пусть уже и конец весны, но после шторма было прохладно. А она была только в больничной рубашке. Но ей не было холодно, она закаливалась раньше, да и к холоду относилась спокойно. Можно сказать, что даже любила холод.

- Понимаешь, я ведь очень рано родила. Мне не удалось закончить школу, старшая есть на соседнем острове, но я не хотела бросать Томми. Потому что это была моя обязанность, я не думала, что имею право свалить невинного ребенка на маму и продолжить жить. Все случилось именно так, и я... наверное, если бы мы не уехали, то все было бы по-другому. Но мой возраст... ко мне относились как к легкомысленной малолетней шлюхе. Мне пришлось зарекомендовать себя хорошим травником, я научилась лечить животных. Я не пряталась за мамину юбку, ты не подумай. Но... я... жалею? Да, наверное, я жалею. Но только о том, что тогда убежала. Хотя это уже в прошлом, а мы живем в настоящем. И... мне бы действительно хотелось, чтобы мы попробовали что-то начать.

Мария замолчала и хмыкнула. Потом посмотрела на его профиль и слабо улыбнулась.

Кёске Сугино

- Если бы ты была слабой, сейчас мне не с кем было бы разговаривать. Не думай, я в тебе не сомневаюсь. - Погода была просто отвратительной, и Кёске уже устал от постоянных холодных дождей, сменяющихся холодом другого рода. Он впервые забирался так далеко на север и вынужден был признать что не в восторге от здешних мест, мечтая вернуться в хорошо ему знакомую центральную Японию. А вот Мари, похоже все устраивало, учитывая, с каким спокойным видом она сидела в одной рубашке. Но смотреть на нее было настолько холодно, что Кёске, прежде чем разместиться рядом, снял свою тонкую куртку и накинул ей на плечи.

Ну а дальше последовал рассказ, проливающий свет на часть проблем, с которыми

Мари пришлось столкнуться из-за беременности, закончившийся повторным предложением что-то начать.

- Мари, я ведь не единственный мужчина и далеко не самый лучший. - Кёске не хотел, чтобы чувство благодарности и юношеские воспоминания застилали глаза важного для него человека. Сам он совершенно не видел себя в роли главы семьи и никогда не стал бы желать Мари, даже по прошествию стольких лет вызывающую у него теплые чувства, настолько проблемного партнера.

- Возможно, здесь смотреть действительно не на кого. Но в Токио есть немало мужчин, превосходящих меня по всем параметрам. И прежде чем поднимать подобную тему подожди и посмотри по сторонам.

Кёске не сомневался, что когда Мари придет в себя и немного освоится в Токио, начнет смотреть на него совсем другими глазами. Поэтому не собирался становиться причиной ее разочарований и отбирать возможности, поддавшись эмоциям и реши переступить опасную черту, которую мысленно прочертил между ней и собой.

Путеводная Нить

Проявление заботы было неожиданным, и молодая женщина вздрогнула. Она и не думала как-то намекать на то, что ей холодно, но, вероятно, своими движениями намекнула на это. Щеки налились смущенным румянцем, и она хотела было отдать Кёске обратно куртку, но вместо этого закуталась в нее.

- Как раньше, - прикрыла она глаза и вспомнила, как давно-давно, она промокла под дождем, а он укрыл ее своей курткой и пытался согреть. Это было, кажется, в зоопарке, где они случайно встретились. Или нет. Она уже не помнит. Это было почти двадцать лет назад.

Кёске сказал, что в Токио будут другие люди, и ей может кто-то приглянуться. Она не хотела думать об этом, но в голову стали просачиваться совсем другого рода мысли.

- Кёске, я... что я там буду делать? Чем мне там заниматься? Я же не закончила даже школу, у меня нет образования. Меня никуда не возьмут. Но я... ты же не будешь меня содержать, да и я... не хочу, чтобы мы были для тебя обузой. Ты... мне pomoжешь с работой? На первое время, а потом я... мы... справимся.

Мария вздохнула и прикрыла глаза.

Кёске Сугино

Вслед за Мари Кёске тоже вспомнил далекий эпизод из их прошлого, случившийся вскоре после того, как он переехал в Токио. Тогда он был еще диким и самоуверенным мальчишкой, а ее считал не более чем милым ребенком, нуждающимся в помощи. Но сейчас все было иначе. Они уже давно вышли из детского возраста и, как оказалось, их связывали не только воспоминания, но и общий ребенок, с осознанием чего Кёске теперь приходилось жить. Как и с пониманием, что многое придется поменять, встроив в свою жизнь еще двух людей.

- Не переживай, с работой мы что-нибудь придумаем. Но для начала тебе надо восстановиться после всего, что с тобой произошло. - Кёске хотел спросить, как Мари чувствует себя после ада, через который ей пришлось пройти, но не стал, побоявшись поднимать тему, на которую она пока могла не хотеть говорить с ним, а, вероятно, вообще со всеми.

- Я попрошу друга подыскать вам хорошую квартиру, чтобы к моменту приезда, вам было, где разместиться.

Снимать сразу две квартиры, даже с учетом наличия у него приличных сбережений, было бы достаточно накладно, особенно вспоминая тот факт, что в своей он только ночевал, да и то, далеко не каждую ночь. Но на эту тему Кёске планировал подумать немного позже, для начала закончив со всеми вопросами здесь, на острове.

Путеводная Нить

Молодая женщина посмотрела на небо и слабо улыбнулась. Улыбаться широко было тяжело, раненая губа саднила, и это напрягало. Она вспомнила тело мамы, на лице которой тоже не было живого места, а потом вспомнила тело Ито-сан, с которой хорошо общалась. На ней тоже не было живого места. И была такая же рана на плече. Мария вздрогнула и прислорила руку к повязке, которую так заботливо наложила Томми, и закрыла глаза.

- Я восстанавлиюсь, куда же я денусь. Я должна оградить дочь от чего-то похожего, а поэтому я не имею права сдаваться и разваливаться. Мне мама еще очень давно, когда Томми только появилась на свет, сказала, что кроме меня она никому больше не будет нужна.

Мария замолчала, осознав, что говорит не то, что хотелось бы услышать Кёске. Она не привыкла плакать, даже в детстве не часто плакала, разве только один раз, когда была та история с отчимом. Вроде бы после нее их отношения перешли на новый уровень. Но Мари не была плаксой. И сейчас она не хотела плакать.

- Надо сделать все возможное, чтобы этот ублюдок никогда больше не увидел свободы, - задумчиво и с готовностью произнесла женщина, снова посмотрев на мужчину. - И... Кёске, я... у тебя... у тебя есть какой-нибудь знакомый врач? Мне, наверное, может понадобится помощь специалиста... психолога или около того.

Мария покраснела. Здесь с врачами была беда, а о своей жизни в Токио она мало что помнит, только что ей было тяжело и не комфортно в большом городе. Сама она родилась в небольшом городке около Южно-Сахалинска, а потом, в возрасте шести лет, ей пришлось вместе с мамой переехать в Токио. Из всех воспоминаний об этом городе приятными были только встречи с Кёске. Друзей она себе так и не нашла. А Кёске... это просто случайность. Что он ее спас.

Мысль, что он мог жить другой жизнью, иметь свою семью и ребенка, а посему Томико просто бы не смогла его найти или он не стал бы помогать, заставила ее сильно вздрогнуть и поморщиться от боли в руке. Хотя она была уверена, что Кёске обязательно помог тем, кто в этой помощи нуждается.

- Кстати, а почему ты живешь как полубомж? Томико сказала, что ты ей говорил, что часто живешь в участке, а домой приходишь очень редко. Да и бардак у тебя дома и куча мятой одежды... Расскажешь, как складывалась твоя жизнь? Если, конечно, хочешь.

Кёске Сугино

- В смысле никому не нужна? - Рассуждения мамы Мари, которая его неплохо знала, казались Кёске какой-то дикостью. - Я, конечно, никогда не был подарком, но ребенка бы своего не бросил. - По правде, он бы не оставил Томико без помощи даже не будь она его дочерью, но сейчас уже не было смысла думать о том, что и как могло бы быть, поскольку словам Мари он верил безоговорочно.

- Что касается специалиста... - Кёске задумчиво почесал небритый подбородок. - Здесь я смогу помочь. Выясню, куда обычно отправляют на реабилитацию жертв насильственных преступлений. - Для себя же он сделал отметку заняться этим вопросом в первую очередь. Человеческая психика могла выдавать самые удивительные вещи, если не беречь ее в должной степени. А Мари явно не заслуживала подобной участи.

На вопрос по поводу образа жизни Кёске ответил не сразу. Мужчина ничего не собирался скрывать, просто сказать ему особенно было и нечего. Он просто жил, как жил, и его это вполне устраивало.

- Ну, - начал Кёске после небольшой паузы, - моя история достаточно стандартна. Я отучился и начал работать. Практически сразу попал в отдел по особо тяжким, где остаюсь и по сей день. И покольку живу один, дядя уехал из Токио вскоре после того, как я закончил школу полиции, как-то не переживаю из-за бытовых вопросов. Можно сказать, что вся моя жизнь - это работа, и все, что с ней связано.

За все эти годы ему не приходило в голову создать семью. Конечно, с женщинами он встречался, но серьезными эти отношения назвать было трудно. Да и найти ту, что была бы готова терпеть его образ жизни, Кёске не представлял возможным.

Путеводная Нить

- Ну, это ведь правда, что кроме матери о ребенке никто не позаботится должным образом. В животном мире только мать заботится о своем детеныше. В основном. Да и... согласись, ведь большинству людей не нужны не свои дети. - Мария усмехнулась, вспомнив своего отчима, который и не особо-то ее любил. - Но... - Мария не договорила и неосознанно к нему прижалась. Подул сильный и холодный ветер.

Развивать эту тему она бы не стала, будучи уверенной, что Кеске действительно не бросил бы ни ее, ни Томми, если бы исход этой истории оказался не таким. Вздрогнула, представив, что, действительно, Томми не успела бы найти Кёске и притащить его сюда. Глаза защипало.

- Четырнадцать дней. Этот ублюдок держал их четырнадцать дней. Я уверена, что моя мама продержалась эти дни, но... не дождалась помощи. И... я... Кёске, ведь мне

круто повезло, что он... так много времени было... ты... успел меня спасти. Ведь Томми... она могла просто не успеть...

Мария нервно засмеялась, а потом закрыла глаза руками и заплакала. Только сейчас до нее дошел смысл сказанного ею самой. Ведь действительно, это можно было назвать везением. Если бы времени было меньше, то сейчас бы она не сидела рядом с ним.

Кёске Сугино

- Ну, тут еще вопрос возраста. Я с двенадцати лет как-то справлялся без матери. Да и без отца по большому счету. - После смерти жены отец предпочитал как можно реже бывать дома, даже несмотря на то, что у него оставался сын подросткового возраста. Так что полноценно Кёске с ним разговаривал пару-тройку раз в месяц и, в основном, из-за жалоб учителей и соседей.

На улице стало еще холоднее, и Кёске, чувствовавший себя без куртки не слишком комфортно, не только не стал как-то мешать Мари к себе прижиматься, но даже наоборот приобнял ее в ответ, надеясь, что двум телам вместе будет намного теплее, чем по одиночке. К тому же Мари начала плакать, в очередной раз вспоминая о тех ужасных моментах, что ей довелось пережить, и Кёске хотел хотя бы немного ее успокоить и показать, что больше ей не придется разбираться со всем самой.

- Он заплатит за все, что сделал. Обещаю. - Сугино чувствовал себя не в своей тарелке, так как в восприятии Мари стал спасителем, хотя на самом деле, не смог ей помочь должным образом. - А ты просто не должна была повторить историю тех, кто пострадал до тебя. Это было бы слишком несправедливо. Ты заслуживаешь право на новую счастливую жизнь, где не будет чудовищ вроде твоего отчима или этого недочеловека.

Кёске прижал к себе Мари еще сильнее, надеясь, что так ей станет хоть немного легче. Когда-то очень давно его объятия помогали ей перестать нервничать и почувствовать себя увереннее, и мужчина очень надеялся, что, несмотря на долгую разлуку, этот эффект сохранился и по сей день.

Путеводная Нить

Телесный контакт с человеком, в которого в юности она была влюблена, успокаивал. Всхлипы становились тише и реже, а вскоре и вовсе прекратились. Последний раз шмыгнув носом, Мари отняла руки от лица и ладонью стерла слезы. Посмотрела на мужчину и слабо улыбнулась. Потом отстранилась от него и скинула с себя его куртку. Осторожно, стараясь не напрягать лишний раз поврежденную руку, вернула куртку хозяину, накинув на его плечи.

- Я привыкла справляться сама, но... я буду благодарна тебе за помощь. Просто... это все неожиданно, и я... мне надо привыкнуть к тебе. И... тебе, наверное, тоже. Я... буду работать над собой, чтобы забыть об этом. И не смущать тебя больше.

Мари слабо улыбнулась и не удержалась от дружеского поцелуя в щеку. А потом в нос и покачала головой.

- Ты замерз. Наверное, нам надо вернуться в больницу. А то ты можешь заболеть.

Женщина вздохнула и постаралась встать. Но неосторожно оперевшись на больную руку, чуть не потеряла сознание от сильной острой боли. Закусив губу, она стерла капли липкого холодного пота со лба.

- Кстати, я так понимаю, что дом, в котором мы жили, совсем затопило? Но... мы же сможем взять какие-то вещи?

У Томико в планшете и телефоне были фотографии. Это была единственная память. Все остальное можно было купить в другом месте. Деньги какие-то у нее были. На первое время должно хватить. Нужно время, очень много времени для того, чтобы что-то изменить и привыкнуть. Она пока не знала, к чему это приведет, но почему бы не попробовать?

Кёске Сугино

Постепенно Мари успокоилась, по крайней мере внешне, поскольку Кёске сомневался в возможности так быстро отбросить все тяжелые переживания. Но, пожалуй, на этом их небольшую прогулку можно было и заканчивать, поскольку измученной женщине нужно было больше отдыхать. Да и на улице был уж слишком холодный для расхаживания в минимальном количестве одежды ветер.

- Ну так нам и не нужно торопиться. - Кёске не стал сопротивляться и возвращать куртку обратно, поскольку собирался возвращаться в больницу. - Сначала закончим здесь. Потом я помогу вам устроиться в Токио. Сильно надоедать я не стану. Обычно я все время торчу на работе.

Мари всегда проявляла свое отношение достаточно откровенным способом, но с ее любовью к поцелуям надо было что-то делать. В конце концов, он же являлся обычным мужчиной, и ему трудно было никак на них не реагировать. Хотя и явный плюс в этом тоже имелся. Кёске боялся, что после всего пережитого у Мари могут быть проблемы с физическими контактами, например, с представителями противоположного пола. Но, по крайней мере, он сам женщину никоим образом не смущал, что давало очень хорошие прогнозы на будущее.

- Да со мной все нормально, я крепкий. - Расписать достоинства своего организма Кёске не успел, так как его старой подруге понадобилась помощь. Больная рука мешала на нее нормально опираться, поэтому он сам приподнял Мари со скамейки и помог обрести хоть какое-то равновесие. - А взять с собой вы можете все, что посчитаете нужным.

Почувствовав, что женщина готова, Кёске сделал первый шаг, осторожно увлекая ее за собой. А затем довел до палаты и аккуратно усадил на койку, на которой Мари следовало провести еще несколько дней, часть из которых должна была уже прийти на допросы в качестве свидетельницы и прочие моменты, связанные с должным наказанием преступника.

- Я... нам надо будет привыкать друг к другу, и я... наверное, я готова начать все это, только нам нужно время, - сказала Мария, глядя на мужчину и слабо улыбнувшись.

Она не знала, чем все это закончится, но была готова работать над всем. Действительно, Томми уже выросла, а Мари никогда не пыталась в себе ничего похоронить. Просто ей это было не надо. Но раз судьба распорядилась так, что она снова встретила Кёске, который не отказался ни от нее, ни от Томико, женщина надеялась, что в будущем все наладится. Она постарается быть достаточно мудрой, чтобы всем было комфортно. А пока она постарается избавиться от этих страхов.

- Я... готова лечиться и прорабатывать эти страхи. И я готова дать нам время, чтобы всем все обдумать.

Кёске помог ей встать и отвел в палату. Женщина опустилась на кровать и задержала его ладонь в своих руках. А потом отпустила ее.

- И... спасибо тебе, что... ты... не завел себе семью. Я не хотела бы разрушать чужую семью... - сказала она, вздохнув.

Кёске Сугино

И все-таки у них с Мари были очень различные представления о том, что их ожидает в будущем - это Кёске уже успел понять достаточно хорошо. Она, вероятно, продолжала переносить на него настоящего тот образ, что пронесла через все эти годы. Но время не стояло на месте, изменив их обоих. И, наверное, ее даже в большей степени, поскольку Мари больше не походила на ту девочку, которой он ее помнил, до сих пор до конца не понимая, как так получилось, что их чистая дружба без каких-либо дополнительных подтекстов в один момент из-за стечения разных обстоятельств совершила неожиданный разворот, приведший к появлению Томико. Хотя в этом изменении имелся явный плюс, поскольку перед той девочкой ему до сих пор было совестно, а с женщиной, что появилась перед ним через столько лет ему еще только предстояло познакомиться.

- Да не то, чтобы я специально старался. - Слова про его вероятную семью, заставили Кёске непроизвольно улыбнуться. Уж за это его точно не стоило благодарить. Просто он никогда не был семейным человеком и как-то не испытывал желания что-то в своей жизни менять. Поэтому и сейчас планировал поддерживать Мари столько времени, сколько ей понадобится, чтобы встать на ноги и, возможно, построить полноценную семью, оставаясь для нее хорошим другом, как это было раньше.

- Отдыхай, а я пойду в участок. - Попрощавшись с Мари, Кёске отправился на свой "пост", который организовал себе сам, несмотря на слабые протесты настоящего хозяина кобан. Судя по прогнозу, погода собиралась в ближайшее время наладиться, и ему следовало продержаться всего пару дней до приезда полиции, которая должна была провести окончательное расследование и отдать преступника под суд.
